

Еретики

Повесть

«Единственный демон, который останется на территории нашей Родины, — демон революции».

Лев Троцкий

1919

В пустом храме горели свечи. Мириады свечей. Оранжевые отблески играли на лакированных дощечках, придавая суровым лицам святых выражения мрачной таинственности. Точно эти мужи обладали каким-то дурным, а возможно, и постыдным секретом. Антип полтора года служил в обители, но сегодня будто бы не узнал свою церковь. Кто зажег свечи? Куда подевались батюшка и второй дьяк? Отчего так неприязненно смотрят апостолы и мученики?

— Святой отец... — окликнул Антип, топчась у притвора.

В ответ у иконостаса зашуршало.

«Просто мыши», — успокоил разгулявшиеся нервы молодой дьячок. В последнее время они наводнили монастырь. Иногда казалось, это гостья принесла с собой вредителей. Мышей принесла в подоле, и они портили просфоры и грызли библиотечные книги...

Антип поднял взор к высоким сводам. Он не видел Сатану, но рогатый был там, где ему не положено быть. Мучал грешников, окруженный сатанинской ратью. До революции и бесовского

Сдвига отец Григорий пригласил в храм богомаза. Тот подновил потускневшую роспись двухсотлетней давности. А диавола отказался трогать. Темная, нереставрированная часть фрески тревожила Антипа. Вспомнился рассказ отца Григория об основании монастыря. Что раньше на этом холме располагалась, как выразился батюшка, кереметь: место жертвоприношений, роща, почитаемая чувашами и связанная с культом усопших. Христиане выкорчевали деревья и освятили землю, построили церковь, сперва одну, затем — другую, вот эту. И, словно ведомые недобитым божком керемети, нарисовали диавола на потолке.

Было что-то языческое в пляске свечного пламени, тревожное в населивших храм тенях. Убедившись, что батюшки нет и здесь, Антип поспешил на улицу.

Стояла ласковая июньская ночь. Ветерок с Волги выпасал отару облаков. Меж облачной овчиной проглядывала, озаряя монастырское подворье, растущая луна. Отец Григорий говорил, что чувашских идолиц сменил «скотий» бог Велес; ему поклонялись славяне, поселившиеся у холма. Глубоко пустила корни поганская вера. Не ее ли отголоски будоражили разум Антипа? Или дело только в гостье?

Антип бросил быстрый взгляд на двухэтажный корпус с кельями, перекрестился и пересек двор. Прошлой осенью в обители квартировалась гарнизонная полурота; уходя, большевики социализировали для пожарных нужд двухпудовый колокол альт. Может, с этого все началось, с нарушенной гаммы церковного перезвона?

А что, собственно, началось? Бог берег послушниц, великая пря творилась где-то в стороне от забытого властью — по божьему же наущению — монастыря. Солдаты экспроприировали лошадок, но оставили кур, свиней и коз, не говоря про землю. Антипа, благодаря плоской ступне, не взяли в Красную армию. Надо денно и ночью славить Господа, а не роптать, пугаясь выдумок.

И все же... что-то неуловимо изменилось. Воздух... густота мрака... даже лунный свет, лакирующий крепостные стены... Инто-

нации, оттенки. Это чувствовал дьяк, и чувствовала животина, вздрагивающая при малейшем шорохе и жалобно блестящая...

Антип прошел сквозь двери в воротах. Захотелось никотином освежить голову. Утешиться привычным пейзажем, широкими просторами Поволжья, нежной, с позолотой, зеленью яровой пшеницы. Отойдя от крепостных стен на приличествующее расстояние, Антип вынул из недр рясы черешневую трубку и кисет, и, бормоча слова извинений, побаловал себя понюшкой, а вдругорядь принялся засыпать табачок в люльку.

Темная фигура пронеслась по тропе в нескольких аршинах от дьякона. Он весь сжался. Отец Григорий за курение порол подопечных розгами. Благо и сам дымил, как паровоз, и имел плохой нюх. Но батюшка — или кто иной, мающийся бессонницей, — не заметил Антипа. Дьякон торопливо спрятал добро и, гонимый любопытством, двинулся вслед за припозднившимся гулякой.

Мысль, что это может быть девка, странная гостья Христовых невест, отозвалась холодком в сердце. Батюшка строго-настрого запретил приближаться к чужачке, да она и не выходила из отведенной ей кельи. Или выходила? Например, чтобы навестить мертвецов... К погосту, расположенному у северной стены, вела тропа.

«Возвращайся-ка лучше к себе, раб Божий...»

Антип ослушался голоса разума и замер у раскидистой черешни. Впереди, освещенное луной, лежало монастырское кладбище. Самые старые захоронения датировались шестнадцатым веком. Самое свежее принадлежало сестре Ефросинье, прибранной Господом зимой в возрасте восьмидесяти лет. Ухоженные могилы, цветы, выпестованные матушкой Агафьей. Обычно этот уголок умиротворял Антипа. Но сегодня, словно сговорившись, привычные вещи обрели гнетущую двусмысленность.

Человек стоял напротив единственного здешнего склепа. Изначально Свято-Покровский женский монастырь был мужским скитом. По словам отца Григория, на месте гробницы находилась пещера, в которой жили схимники, а ныне хранились двухсотлетние останки игуменьи Макрины. Усыпальницу из блоков белого

песчаника венчал купол с крестом, фреска в фронтоне изображала Деву Марию с Предвечным младенцем.

У Антипа отлегло от сердца, тревогу сменило злорадство. Он увидел стянутый лентой апостольник, подрясник. Кому-то из монахинь приспичило нарушить дисциплину, о чем Антип, конечно, доложит магушке настоятельнице.

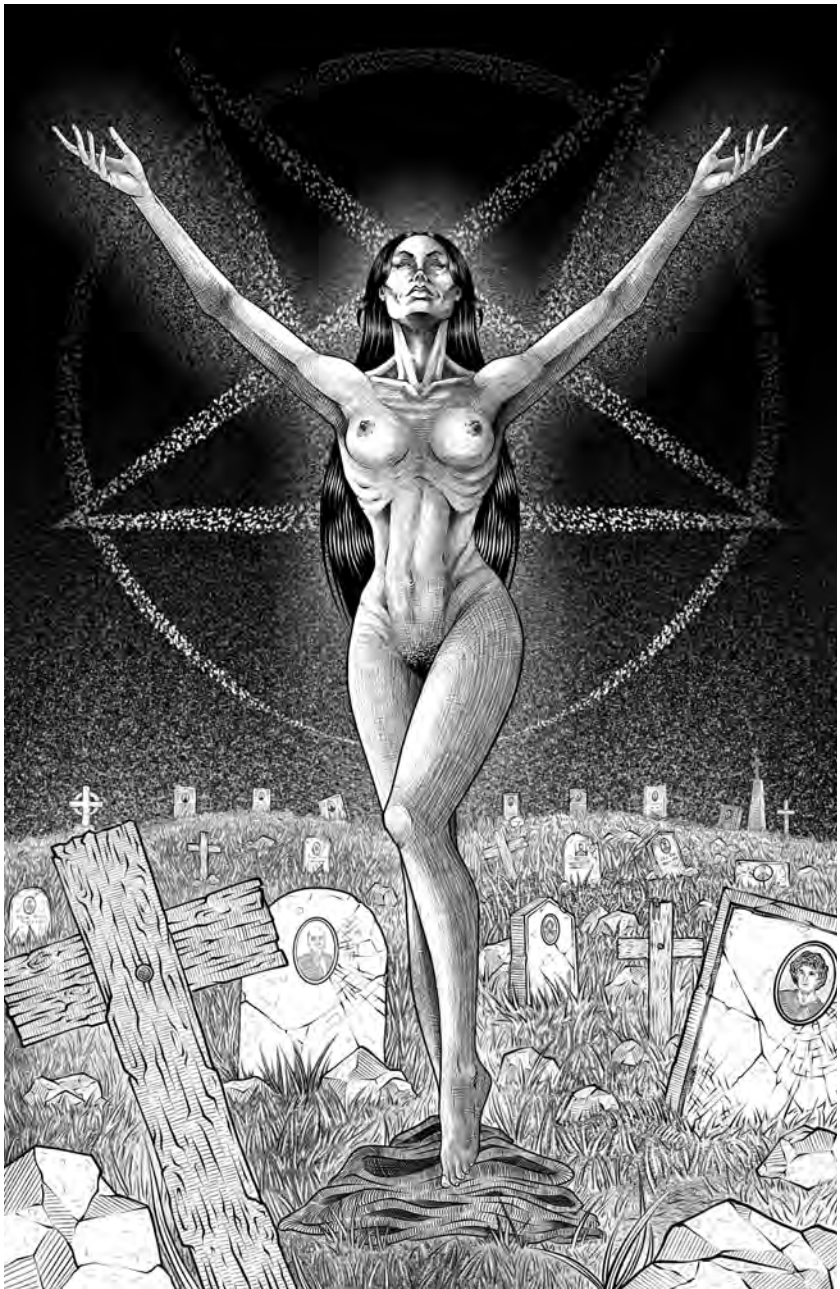
Дьякон осторожно продвинулся вперед, к соседнему дереву. И выпучил в полумраке глаза. Он узнал Лукию, не монахиню, а одну из двух указных послушниц. Но почему она не в постели? Почему не спит, помолясь? Зачем снимает платок, распуская по плечам волосы, отливающие серебром в лунном свете?

Не подозревая, что из темноты за ней следят, Лукия обронила головной убор и стянула с себя подрясник. Антип подавился слюной. Он никогда не видел девушек в сорочках. Должен был отвернуться, но продолжал смотреть, аки Хам на пьяного Ноя.

В тишине, нарушаемой лишь шелестом листвы, обезумевшая послушница сняла льняную сорочку, предоставив вызывающую, богопротивную наготу ночному светилу, ветерку и очам ошеломленного наблюдателя. Образ голой девушки среди могильных камней ослепил Антипа, обратил в еще один камень его тайный уд. У дьякона затряслись руки.

Лукия была невысокой и худой. Антип прекрасно видел ее профиль, мягкие очертания ягодиц, дерзкие маленькие груди, торчащие вверх продолговатыми сосцами, видел плоский живот и черный куст волос под животом. Лукия воздела к небу руки. Острые грудки поднялись вслед за ними. Лицо послушницы было одухотворенным, преисполненным какого-то внутреннего света, идущего вразрез со всем прочим. Слово Господь — нет, рогатый Велес! — ниспослал на нее благодать или явил чудо.

Антип ощупал себя пальцами сквозь парчу. Его собственная плоть горела огнем, а как возгорится душа его в аду! Но, не в силах обуздать похоть, дьякон стиснул ноющий корень. В этот миг до его слуха донеслось характерное цоканье. Слово бычок шел по камню.

Только звук раздавался там, где бычкам и буренкам не было места. Он шел из усыпальницы.

«Я брежу!»

Лукия тоже услышала поступь приближающегося пекла. Она опустилась на колени перед склепом. С ее лица можно было писать иконы: мироносицу, покаявшуюся блудницу, Марию Магдалину...

Кованая дверь склепа отворилась, протяжно заскрежетав петлями. То, что вышло наружу, нависнув над послушницей всем своим нечеловеческим ростом, погасило в Антипе жар, льдом сковало и пах, и кишки. Ветерок приглаживал черную шерсть дьявольского визитера. Копыта утопали в земле. Дьякон вспомнил закопченный фрагмент церковной фрески.

Вот он — мироправитель тьмы века сего, искуситель, ходящий яко лев рыкающий. Вот его приапическая плоть, целящаяся в богоотступницу.

Лукия задрожала всем телом и коснулась рукой чудовищной булавы, сатанинской пародии на половой орган мужчины. Пальцы скользили по гладкому багровому наросту величиной с небольшую дыню. Из пасти демона вырвался одобряющий вздох, из щели в омерзительной «дыне» капнула мутная жидкость. Когтистая лапа огладила волосы послушницы и потянула к себе ее голову. Лукия закатила глаза и открыла рот. Язык запорхал, вылизывая отверстие в наросте, обе руки работали, массируя опоясанный вздувшимися венами ствол.

Не в силах выдержать этой скверны, Антип сдавленно вскрикнул. Лукия и ее любовник резко оглянулись. В черных впадинах дьявольских глазниц запылало белое пламя. Антип бросился прочь.

Он мчал по тропе, разом забыв все молитвы.

«Грех! — стучало в черепной коробке. — Великий грех, Господи!»

Сестры спрашивали у отца Григория о Сдвиге, случившемся год назад, о Старых Богах, про которых писали в красных и белых газетах. Священник сказал на проповеди, что это лишь бесы и за ними придут ангелы в белых ризах и мечами сокрушат нечисть.

Где же твои ангелы, Боже?

Антип грудью протаранил дверь, споткнулся о порог и упал на четвереньки. Чья-то тень накрыла его. Известно чья! Это диавол, поселившийся в склепе игуменьи Макрины, и сейчас он заставит Антипа лизать его срам!

Дьякон поднял взгляд. Вместо Сатаны он увидел участливое, обеспокоенное лицо настоятельницы.

— Матушка Агафья! Лукия... кладбище... диавол...

— Окстись, блаженный. — Настоятельница покачала головой. — Нет никакого дьявола.

— Там... — Антип осекся и посмотрел на топор, который Агафья сжимала в руках.

— Нет дьявола, — повторила настоятельница. — Нет Бога. Есть космическая тьма и воля ее.

За спиной дьяка, за воротами раздались тяжелые шаги и фырканье зверя. Антипа парализовало. Агафья отвела вбок топор и нанесла удар. Сталь воткнулась в лицо Антипа. Хлынула ручьями кровь. Агафья вырвала лезвие и снова ударила, ломая скуловую кость. Третий удар пробил череп и выбросил в пыль мозги. Антип давно не шевелился, но Агафья продолжала рубить. Красные точки испещрили ее мантию. Когда она закончила, утомившись изрядно, от головы дьякона остались лишь клочья скальпа, осколки костей, каша серого вещества да бородатые лоскутья.

— Аминь, — прошептала Агафья и пошла открывать ворота. Тот, кто фыркал снаружи, не помещался в дверной проем.

* * *

— Дайте мне шелков обоз с девкой пухлою... лижутя попы вчасос с мерзкой Ктухлою. — Степа развел в стороны руки и пошел впрядку вокруг колодца. — Разливайте самогон да с грибочками... ждет конармию Дагон за лесочками...

— Ты чего веселый такой? — Черноволосый, смуглый Викентий Тетерников прислонился к дереву, надгрыз червивое яблоко. Жара изводила, и оба красноармейца разоблачились до портков. В пыльную

глушь под Саратовом они прибыли с юга, порознь. Степа Скворцов освобождал Крым от остатков денкинских войск. Викентий чудом сбежал из Иловайска, захваченного кавказской дивизией генерала Шкуро. Познакомились они в лазарете и за пару недель успели скрепить дружбу энным количеством разведенного спирта. Вчера переборщили, отмечая выписку. Тетерникова штормило, а Степа, глядишь ты, пускался в пляс.

— А чего ж не веселиться, товарищ мой очкастый? Все болит, значит живы.

— Это исправимо, — изрек Тетерников и зашуршал газетой. Когда из Степы извлекали пулю, Тетерников читал ему вслух «Дон Кихота». Всюду таскал с собой потрепанную книжицу и горевал, что не может найти второй том. Он писал стихи и даже прославился в очень, очень узких кругах в родном Воронеже. Ему было много: двадцать два.

Степе Скворцову было и того больше. Он точно не знал сколько. Двадцать пять или двадцать шесть. В приюте для детей-сирот дни рождения не отмечали, а женщина, бросившая его на церковной паперти, не оставила записки с именем и возрастом. Назвали подкидыша в честь приютского истопника. Истопник этим фактом страшно гордился и научил семи- или восьмилетнего Степу пить спирт и сворачивать козьи ножки.

— Что пишут? — осведомился Степа, смачивая шею студеной водой из ведра.

— Наши зажали Галицкую армию в Треугольнике смерти. ЗУНР обречена. Пилсудский во Львове, у него, говорят, есть запретные книги. А Шкуро в харьковском «Метрополе» съел певицу Плевницкую. — Тетерников поковырялся ногтем в зубах. — Меццо-сопрано. Видел фильму «Агафья»?

— Не видал.

— Она там хороша. Земля пухом. А Махно твой нам снова не друг, а собачья какашка.

— Че это он мой? — набычился Степа, дезертир и бывший анархист, попавший в красную конницу из махновского отряда.

— Ну, не твой — так не твой, — легко отступился Степа. Он осмотрел свое плечо, свежие шрамы, где вошла и вышла пуля. — Слушай, как думаешь, у того деда самогон еще водится?

— У рябого? — Степа взъерошил короткие белобрысые волосы. — Он вредный, конечно, но если поднажать...

— По праву вооруженного насилия, — ослабился Тетерников.

На дороге взвилось облако пыли, раздался перестук копыт. Спустя полминуты у избы, возле которой прохлаждались красноармейцы, остановился вороной конь. Сперва Степа подумал, что всадник пригрел за пазухой кошку — или нескольких кошек — и они там барахтаются. Но потом он заметил гроздь тяжелых белых кудрей, выбившихся на плечо всадника из-под фуражки, и приоткрыл от изумления рот: так это ж не кошки, а сиськи, это ж баба, одетая, как мужик, в кожаные штаны и военного кроя суконную рубашку. Степа свистнул Тетерникову. Тот тоже рассматривал наездницу округлившимися глазами.

Баба — молодая девка — спешила и привязала коня к жерди. Зевак она игнорировала. У нее было грубое, простое, припорошенное дорожной пылью лицо, толстогубый рот, нос с горбинкой и по-детски пухлые щеки. Степа решил, ей лет восемнадцать, не больше. Короткая челка, чтоб не мешали волосы. Какая-то подростковая, а не бабская полнота.

— Товарищ суффражистка. — Тетерников прочистил горло. На его губах играла лукавая ухмылка. — Вы к нам откуда такая боевая?

— Ну прям амазонка, — поддержал Степа.

— Красавица, миру на диво, ко всякой работе ловка.

— А не натирают вам штаны-то?

Девка стиснула зубы и не одарила красноармейцев вниманием. Она потрепала коня по гриве и направилась к избе. Мужчины, увидев кобуру на ее поясе, развеселились сильнее.

— Что у вас там? Помада?

— Духи «Нильская лилия»?

— Вылитая Инесса Арманд!

Девка вошла в избу.

— Видел титьки? — причмокнул Степа. — Зимой на одну лег, другой укрылся.

— Это не титьки, товарищ ситный. Это перси! И широченный престол! — Тетерников хлопнул себя по заднице и сказал, отсмеявшись: — Ладно, ждем этого, как его, чекиста...

— Туровца, — подсказал Степа.

— Ждем Туровца и идем доить деда на предмет алкогольных изысков.

— Годный план, товарищ поэт.

* * *

Прасковья Туровец повела плечами, словно стряхивала назойливых мух. Она привыкла к смешкам и косым взглядам, даже научилась контролировать гнев. Придумала горшочек, в котором этот гнев копится, чтобы в нужный час излиться кипятком на истинного врага рабочего класса.

Она была ровесницей века, и век заставил ее рано повзрослеть. На глазах Прасковьи истекли кровью родители. На ее руках умирали побратимы. И ее руки тоже сеяли смерть.

Мужланы... ну их в болото!

Прасковья прошла по избе, в горницу, украшенную портретом Владимира Ильича. За столом, обронив голову на кипу бумаг, дрых человек. Кругляш лысины, заштрихованной тремя аккуратными волосками, целил в гостью.

Прасковья посмотрела на портрет. Теплый — морщинки как лучики — взор Ленина придавал сил. В его, пусть и условном присутствии Прасковье становилось спокойно и безопасно. Хотелось поцеловать Ильича в щечку.

«Мы строим коммунизм, невзирая на необычайные трудности и так называемых Старых Богов... мы не боимся ни Ктулху, ни дальних сроков... поколение пятидесятилетних не увидит коммунизм, но те, кому сейчас девятнадцать, — они увидят и будут творцами коммунистического общества!»

Вызубренные наизусть Ленинские пророчества окрыляли. Прасковья кашлянула. Постучала в стену. Топнула ногой.

— Кто? — Разбуженный гражданин выпрямился. — Жировик? Ежевика? — Он уставился на девушку осолопевшим спросонку взглядом. — Приснилось, — сказал, утирая рукавом лоб, на котором отпечатались машинописные буквы. Задом наперед дивно-лунное слово «мунизм». — Вы по какому поводу?

— Туровец, — представилась Прасковья. Помятая физиономия гражданина просветлела.

— Туровец... — Он обвел взглядом гостью — без похоти, но с искренним интересом. — Вот ты какая, товарищ Туровец. Молодая...

— Возраст — еще один пережиток царизма, — парировала Прасковья. — Как пол.

— Пол... — Гражданин посмотрел на листовые доски под ногами.

— Строителям будущего и пять лет, и девяносто пять, — твердо сказала Прасковья. — Вы... Безлер.

— Он самый, — согласился гражданин. — Александр Моисеевич Безлер, волею государства — земельный комиссар в этой дыре. А ты, значит, прямехонько из Симбирска?

— Из него. — Прасковья коротко взглянула на портрет с дорогим земляком.

— И что у вас?

— Работа бурлит.

— Как и везде. — Безлер почесал затылок. — Деникинцы взяли Харьков и прут на Москву. У них книги, ми-го... В Петрограде — сами знаете. Чума. Весной пала советская власть в Риге и в Мюнхене...

— Все будет, — сказала Прасковья. — И Рига, и Мюнхен. — Она с трудом представляла, где находятся эти города. — Алые стяги зреют над планетой. Чудовищ мы... — Она ударила по воздуху ребром ладони.

— Все так, товарищ Туровец, все так. — Комиссар спохватился. — Чего же я... кофия с дороги? Сахар есть...

— Откажусь.

— А по пятьдесят?

— Я не употребляю. — Прасковья бросила взгляд в окно. —

И вашим солдатам не советовала бы.

— Да, распустились... — погрустнел Безлер. — Что есть, то есть.

А ты, слышишь, ты Троцкого видела?

Прасковья кивнула.

— В мае выступал у нас, перед Симбирским гарнизоном.

— И какой он?

— Красивый. Сильный. — Прасковья не стала упоминать, что от чтения запрещенных книг лицо наркома покрывали светящиеся буквы: каждый сантиметр кожи и даже стекла очков — в фосфоресцирующих литерах. Это вам не «мунизм», это вражьи заклятия, которые Лев Давыдович пытался обратить против гнусных богов.

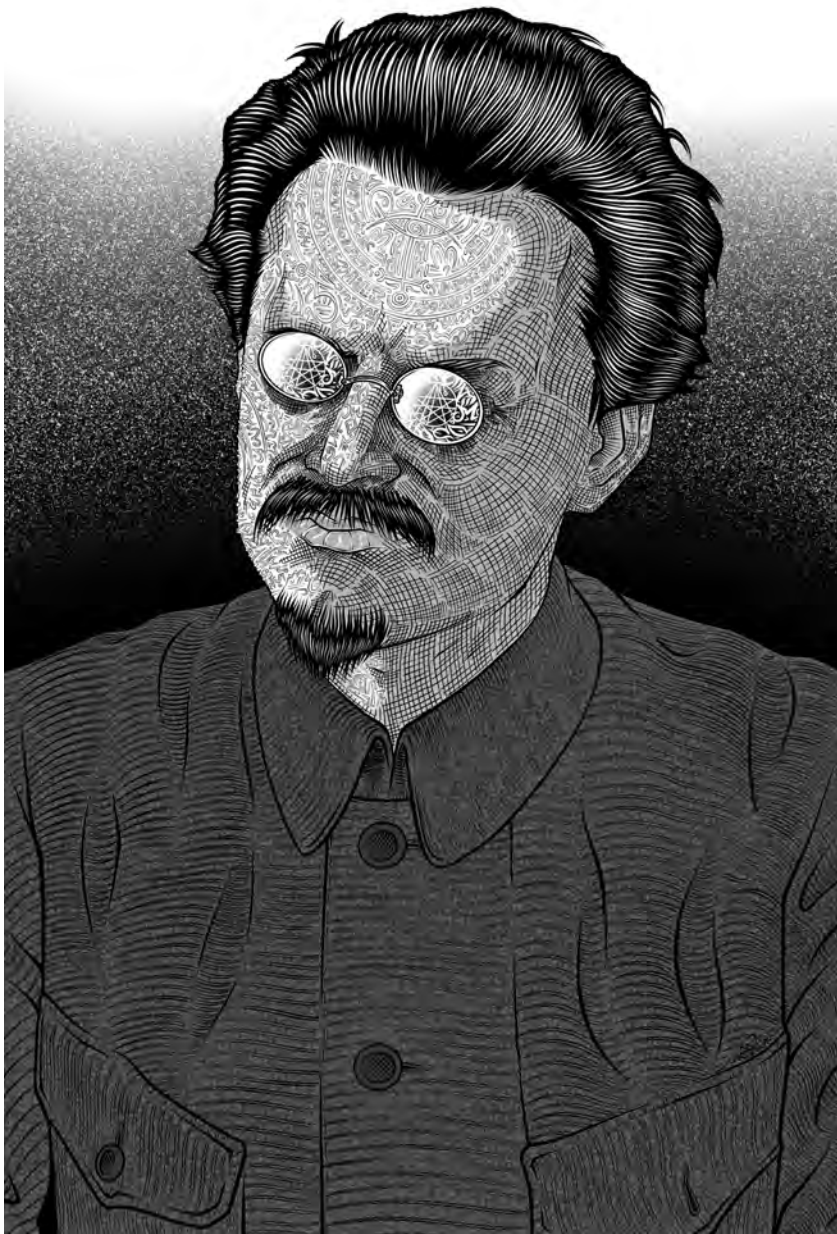
— Сильный... — мечтательно повторил Безлер. — Как это — в обыкновенных людях, в тебе вот, например, в Троцком, вдруг разворачивается что-то огромное? Чему по плечу тягаться с... — Комиссар постучал пальцем по документу, содержащему подробный рисунок ракообразной твари.

— Ну вы тоже сравнили, Александр Моисеевич. — Прасковья холодно фыркнула. — Где я, а где Троцкий.

— Не принижай себя. Я же читал. Прошлым летом под Симбирском...

Перед глазами Прасковьи вспышкой молнии встала заброшенная станция Охотничий и гигантская тень, вырастающая над зданием. Прасковья моргнула, убирая воспоминания в чулан. Однажды это умозрительное хранилище перестанет вмещать ужасы, выпавшие на долю девятнадцатилетней девушки.

— Это заслуга командующего бронепоездом, — соврала Прасковья, чтобы уйти от темы. — Александр Моисеевич, я телеграфировала вам по поводу Лебяженки...

Содержание

Еретики. <i>Повесть</i>	3
Восхождение. <i>Рассказ</i>	96
Мексиканец. <i>Рассказ</i>	116
Убежище. <i>Рассказ</i>	122
Бдение. <i>Рассказ</i>	156
Пик Страданий. <i>Рассказ</i>	160
Колокола мрака. <i>Повесть</i>	174
Полюс. <i>Рассказ</i>	255
Господь проходных дворов. <i>Рассказ</i>	265
От автора	303